

торых он не имеет права столь небрежно обращаться с замыслом постановщика, менять акценты и, по сути дела, саму трактовку заглавной роли, сам способ существования героев и массы в спектакле.

Роберт Ллойд, актер лондонского спектакля Тарковского, участвовавший в первых ленинградских спектаклях, показал нам нового Бориса — человека, падшего на дно под тяжестью душевных мук и в финале представляющего собой страшное зрелище. Страшное не по-оперному, а почти клинически. Это был неведомый нам уровень правды. В спектакле же, представленном в рамках «Оперной панорамы», мы обнаружили знакомый нам тип холеного, красивого, с хорошо уложенным париком и аккуратно подстриженной бородкой Бориса. Ллойд доказывал реальность легенды Шалаяпина. Не изображая Шалаяпина, как это делают остальные, он был на него похож. Может, так задумывал Тарковский. Но сходство было не столько с Шалаяпиным — Борисом, сколько с его Иваном Грозным из «Псковитянки». Что-то действительно страшное, дикое и жалкое одновременно было в нем. За полгода театр этого не сберег, хотя был обязан сбереечь.

Печальным финалом «Оперной панорамы» стал концерт молодых солистов и стажеров Большого театра. Концерт просто напугал. Пока певцы пели, все время думалось — неужели это те, кто пришел на смену И. Архиповой и

Е. Нестеренко, Т. Милашкиной и Ю. Мазурку, А. Ведерникову и З. Соткилаве? Неужели 70-е и 80-е годы, казавшиеся нам годами медленного распада театра, теперь видятся «золотым веком»?

Опера в переводе с итальянского — труд. Это часто вспоминалось на спектаклях и концерте «Оперной панорамы». Опера — то дело, которое требует не минуты вдохновения, не наскока, а тяжелого, кропотливого труда — в классе, в зале, на репетициях. Мы же живем в стране, где такой труд не стал нормой жизни. И беды нашей оперы тоже из этого семени. Есть энтузиасты. Но они — островки неповиновения общему правилу нежелания заниматься черновой работой. Постановщики, даже если они и полны фантазии, азарта, не дают себе труда довести свой замысел до конца, певцы поют и существуют на сцене приблизительно, а большинство из них находится вне вокальной и физической формы, дирижеры не находят времени и желания работать с певцами в классе. Это все чревато гибелью профессионализма в оперном театре, полной разбалансированностью оперного дела. И если это заметно по спектаклям почти праздничной «Оперной панорамы», то что же происходит в будни? И что сулит нам завтра?

Дмитрий ВДОВИН.

● Сцена из оперы «Катерина Измайлова» в постановке Свердловского оперного театра.

Фото В. Михайлова.